

- [Маркес Габриэль Гарсия](#)
 -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Маркес Габриэль Гарсиа

Очень старый человек с огромными крыльями

Габриэль Гарсиа Маркес

Очень старый человек с огромными крыльями

Дождь лил третий день подряд, и они едва успевали справляться с крабами, заползающими в дом; вдвоем они били их палками, а потом Пелайо тащил их через залитый водой двор и выбрасывал в море. Минувшей ночью у новорожденного был жар; видимо, это было вызвано сыростью и зловонием. Мир со вторника погрузился в уныние: небо и море смешались в какую-то пепельно-серую массу; пляж, сверкавший в марте искрами песчинок, превратился в жидкую кашу из грязи и гниющих моллюсков. Даже в полдень свет был такой неверный, что Пелайо никак не мог разглядеть, что это там шевелится и жалобно стонет в дальнем углу патио. Лишь подойдя совсем близко, он обнаружил, что это был старый, очень старый человек, который упал ничком в грязь и все пытался подняться, но не мог, потому что ему мешали огромные крылья.

Напуганный привидением, Пелайо побежал за женой Элисендой, которая в это время прикладывала компрессы больному ребенку. Вдвоем они смотрели в молчаливом оцепенении на лежащее в грязи существо. На нем было нищенское одеяние. Несколько прядей бесцветных волос прилипло к голому черепу, во рту почти не осталось зубов, и во всем его облике не было никакого величия. Огромные ястребиные крылья, наполовину ощищенные, увязли в непролазной грязи двора. Пелайо и Элисенда так долго и так внимательно его рассматривали, что наконец привыкли к его странному виду, он им показался чуть ли не знакомым. Тогда, осмелев, они заговорили с ним, и он ответил на каком-то непонятном диалекте хриплым голосом мореплавателя. Без долгих размышлений, тотчас забыв о его странных крыльях, они решили, что это матрос с какого-нибудь иностранного судна, потерпевшего крушение во время бури. И все-таки они позвали на всякий случай соседку, которая знала все о том и об этом свете, и ей хватило одного взгляда, чтобы опровергнуть их предположения.

-- Это ангел,-- сказала она им.-- Наверняка его прислали за ребенком, но бедняга так стар, что не выдержал такого ливня да и свалился на землю.

Вскоре все уже знали, что Пелайо поймал настоящего ангела. Ни у кого не поднялась рука убить его, хотя всезнающая соседка утверждала, что современные ангелы не кто иные, как участники давнего заговора против Бога, которым удалось избежать небесной кары и укрыться на земле. Остаток дня Пелайо присматривал за ним из окна кухни, держа на всякий случай в руке веревку, а вечером вытащил ангела из грязи и запер в курятнике вместе с курами. В полночь, когда дождь кончился, Пелайо и Элисенда все еще продолжали бороться с крабами. Чуть погодя проснулся ребенок и попросил есть -- жар совсем прошел. Тогда они почувствовали прилив великодушия и решили между собой, что сколотят для ангела плот, дадут ему пресной воды и продуктов на три дня и отпустят на волю волн. Но когда на рассвете они вышли в патио, то увидели там почти всех жителей поселка: столпившись перед курятником, они глазели на ангела без всякого душевного трепета и просовывали в отверстия проволочной сетки кусочки хлеба, словно это было животное из зоопарка, а не небесное создание.

К семи часам пришел падре Гонсага, встревоженный необычной новостью. В это время у курятника появилась более почтенная публика -- теперь все толковали о том, какое будущее ожидает пленника. Простаки считали, что его назначат алькальдом мира. Более рассудительные предполагали, что ему выпало счастье стать генералом, который выиграет все войны. Некоторые фантазеры советовали оставить его как производителя, чтобы вывести новую породу крылатых и мудрых людей, которые навели бы порядок во вселенной. Падре Гонсага, прежде чем стать священником, был дровосеком. Подойдя к проволочной сетке, он поспешно припомнил все, что знал из катехизиса, и затем попросил открыть дверцу курятника, чтобы разглядеть вблизи этого тщедушного самца, который в окружении остолбеневших кур и сам походил на огромную беспомощную птицу. Он сидел в углу, подставив солнцу раскинутые крылья, среди помета и остатков завтрака, которым его угощали на рассвете. Безразличный к происходящему, он едва поднял свои глаза, словно покрытые паутиной, и пробормотал что-то на своем диалекте, когда падре Гонсага вошел в курятник и приветствовал его по-латыни. Приходский священник заподозрил неладное, увидев, что эта тварь не понимает язык Господа Бога и не обучена чтить его слуг. Приглядевшись внимательно, он обнаружил, что уж слишком похож на человека этот мнимый ангел: от него исходил невыносимый запах бродяжничества, в крыльях его кишели паразиты, крупные перья были истрепаны земными ветрами, и вообще ничто в его нищенском облике не соответствовало высокому ангельскому сану. Падре

Гонсага покинул курятник и обратился к прихожанам с краткой проповедью об опасностях, которые таит в себе легковерие. Он напоминал им, что дьявол имеет дурной обычай надевать маски, чтобы попутать простодушных. В заключение падре справедливо заметил, что если крылья не являются существенным элементом для определения разницы между ястребом и самолетом, тем в меньшей степени они могут служить для распознавания ангелов. И все же он пообещал написать письмо епископу, чтобы тот написал письмо примасу, а тот в свою очередь -- папе римскому, дабы окончательный вердикт поступил из самой высокой инстанции.

Его призыв к осторожности пал на бесплодную почву. Новость о пленном ангеле распространилась с такой быстротой, что через несколько часов патио превратилось в рыночную площадь, и пришлось вызвать войска, чтобы штыками разогнать толпу, которая каждую минуту могла разнести дом. У Элисенды заболела спина от бесконечной уборки мусора, и ей пришла в голову хорошая мысль: огородить патио забором и за вход брать пять сентаво с каждого, кто хочет посмотреть на ангела.

Люди приходили аж с самой Мартиники. Приехал как-то бродячий цирк с летающим акробатом, который несколько раз пролетал, жужжа, над толпой, но на него никто не обратил внимания, потому что у него были крылья звездной летучей мыши, а не ангела. Отчаявшиеся больные прибывали со всего Карибского побережья в поисках исцеления: несчастная женщина, с детства считавшая удары своего сердца и уже сбившаяся со счета; мученик с Ямайки, который никак не мог заснуть, потому что его мучил шум звезд; лунатик, каждую ночь встававший, чтобы разрушить то, что делал днем, и другие с менее опасными болезнями. Посреди этого столпотворения, от которого дрожала земля, Пелайо и Элисенда хотя и бесконечно устали, но были счастливы -- меньше чем за неделю они набили деньгами матрасы, а вереница паломников, ожидавшая своей очереди посмотреть на ангела, все тянулась, пропадая за горизонтом.

Ангел был всем этим очень недоволен. Доведенный до отчаяния адским жаром лампадок и свечей, что оставляли паломники у входа в его пристанище, он только тем и занимался, что искал в курятнике места, где бы устроиться поудобнее. Сначала его пытались кормить кристаллами камфары, которые, если верить ученой соседке, были основной пищей ангелов. Но он от них отказался, как отказывался и впредь от аппетитных завтраков, что приносили ему паломники,-- никто не знал, то ли потому, что действительно был ангел, то ли просто от старости. Ел он только баклажанную икру. Казалось, единственным его сверхъестественным качеством было терпение, особенно в первые дни, когда его клевали куры,

охотясь за звездными паразитами, расплодившимися в его крыльях, и когда калеки выдергивали его перья, чтобы приложить их к ранам, а менее благочестивые бросали в него камни, чтобы он поднялся и можно было бы получше его разглядеть. Один только раз его вывели из себя -- прижгли ему бок каленой железякой, которой клеймят телят; он так долго лежал неподвижно, что люди решили проверить, не умер ли. Он встrepенулcя, вскочил, крича что-то на своем непонятном языке, с глазами, полными слез, несколько раз ударил крыльями, подняв тучи куриного помета и лунной пыли, и внезапный холодящий душу порыв ветра показался дыханием того света. Хотя многие считали, что была то обычная реакция боли, а не гнева, после этого случая, старались его не волновать, ибо все поняли, что его спокойствие было спокойствием затихшего урагана, а не пассивностью серафима на пенсии. В ожидании высочайшего истолкования природы пленника падре Гонсага безуспешно пытался на месте вразумить свою ветреную паству. Но, по-видимому, в Риме понятия не имеют о том, что значит срочность. Время уходило на то, чтобы установить, имеется ли у пришельца пуп, обнаружилось ли в его языке что-либо сходное с арамейским, сколько таких, как он, могут поместиться на острие булавы и не есть ли это просто-напросто норвежец с крыльями. Обстоятельные письма так и шли бы, наверно, взад и вперед до скончания века, если бы однажды провидение не положило конец терзаниям приходского священника.

Случилось так, что в те дни в местечко прибыл один из многих ярмарочных аттракционов, блуждающих по Карибскому побережью. Грустное зрелище - женщина, превращенная в паука за то, что однажды послушалась родителей. Посмотреть женщину-паука стоило дешевле, чем посмотреть ангела, кроме того, разрешалось задавать ей любые вопросы о ее странном облике, рассматривать ее и так и эдак, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений в отношении истинности свершившейся священной кары. Это был отвратительный тарантул размером с барашка и с головой печальной девы. Люди поражались не столько внешнему виду этого исчадия ада, сколько той скорбной правдивости, с которой женщина-паук рассказывала подробности своего несчастья. Девчонкой она сбежала однажды из дому на танцы вопреки воле родителей, и когда, протанцевав всю ночь, она возвращалась домой по лесной тропе, страшный удар грома расколол небо надвое, в открывшуюся расщелину метну-лась из бездны ослепительная молния и превратила девушку в паука. Ее единственной пищей были комочки мясного фарша, что добрые люди бросали иногда ей в рот. Подобное чудо -- воплощение земной правды и суда Божьего,--

естественно, должно было затмить высокомерного ангела, который почти не удостаивал взглядом простых смертных. Кроме того, те несколько чудес, что приписывала ему людская молва, выдавали его некоторую умственную неполноценность: слепой старик, пришедший издалека в поисках исцеления, зрения не обрел, зато у него выросли три новых зуба, паралитик так и не встал на ноги, но чуть было не выиграл в лотерею, а у прокаженного проросли из язв подсолнухи. Все это скорее выглядело насмешками, нежели святыми деяниями, и основательно подмочило репутацию ангела, а женщина-паук своим появлением и вовсе зачеркнула ее. Вот тогда-то падре Гонсага навсегда избавился от мучившей его бессонницы и в патио у Пелайо снова стало так же пустынно, как в те времена, когда три дня подряд шел дождь и крабы разгуливали по комнатам.

Хозяева дома на судьбу не жаловались. На вырученные деньги они построили просторный двухэтажный дом с балконом и садом, на высоком цоколе, чтобы зимой не заползали крабы, и с железными решетками на окнах, чтобы не залетали ангелы. Неподалеку от городка Пелайо завел кроличий питомник и навсегда отказался от должности альгвасила, а Элисенда купила себе лаковые туфли на высоком каблуке и много платьев из переливающегося на солнце шелка, которые в те времена носили по воскресеньям самые знатные сеньоры. Курятник был единственным местом в хозяйстве, которому не уделяли внимания. Если его иной раз и мыли или жгли внутри мирру, то делалось это отнюдь не в угоду ангелу, а чтобы как-то бороться с исходившей оттуда вонью, которая, как злой дух, проникала во все уголки нового дома. Вначале, когда ребенок научился ходить, они следили, чтобы он не подходил слишком близко к курятнику. Но постепенно они привыкли к этому запаху, и все их страхи прошли. Так что еще до того, как у мальчика начали выпадать молочные зубы, он стал беспрепятственно забираться в курятник через дыры в прохудившейся проволочной сетке. Ангел был с ним так же неприветлив, как и с другими смертными, но переносил с собачьей покорностью все жестокие ребячьи проделки. Ветрянкой они заболели одновременно. Врач, лечивший ребенка, не устоял перед соблазном осмотреть ангела и обнаружил, что у него совсем плохое сердце, да и почки никуда не годятся -- удивительно, как он еще был жив. Однако больше всего врача поразило строение его крыльев. Они так естественно воспринимались в этом абсолютно человеческом организме, что оставалось загадкой, почему у других людей не было таких же крыльев.

К тому времени, как мальчик пошел в школу, солнце и дождь

окончательно разрушили курятник. Освобожденный ангел бродил взад-вперед, как обессилевший лунатик. Не успевали его веником выгнать из спальни, как он уже путался под ногами в кухне. Казалось, он мог одновременно находиться в нескольких местах, хозяева подозревали, что он раздваивается, повторяя самого себя в разных уголках дома, и отчаявшаяся Элисенда кричала, что это настоящая пытка -- жить в этом аду, набитом ангелами. Ангел так ослаб, что есть почти не мог. Глаза, затянутые патиной, уже ничего не различали, и он еле ковылял, натываясь на предметы; на его крыльях оставалось всего несколько куцых перьев. Пелайо, жалея его, закутал в одеяло и отнес спать под навес, и только тогда они заметили, что по ночам у него был жар и он бредил, как тот старый норвежец, которого когда-то подобрали на берегу моря местные рыбаки. Пелайо и Элисенда не на шутку встревожились -- ведь даже мудрая соседка не могла сказать им, что следует делать с мертвыми ангелами.

Но ангел и не думал умирать: он пережил эту самую свою тяжелую зиму и с первым солнцем стал поправляться. Несколько дней он просидел неподвижно в патио, скрываясь от посторонних глаз, и в начале декабря глаза его посветлели, обретая былую стеклянную прозрачность. На крыльях стали вырастать большие упругие перья -- перья старой птицы, которая словно бы задумала надеть новый саван. Сам-то ангел, видно, знал причину всех этих перемен, но тщательно скрывал их от посторонних. Иной раз, думая, что его никто не слышит, он тихонько напевал под звездами песни моряков.

Однажды утром Элисенда резала лук для завтрака, и вдруг в кухню ворвался ветер, какой дует с моря. Женщина выглянула в окно и застала последние минуты ангела на земле. Он готовился к полету как-то неловко, неумело: передвигаясь неуклюжими прыжками, он острыми своими когтями перепахал весь огород и едва не развалил навес ударами крыльев, тускло блестящих на солнце. Наконец ему удалось набрать высоту. Элисенда вздохнула с облегчением за себя и за него, увидев, как он пролетел над последними домами поселка, едва не задевая крыши и рьяно размахивая своими огромными, как у старого ястреба, крыльями. Элисенда следила за ним, пока не закончила резать лук и пока ангел совсем не скрылся из виду, и он был уже не помехой в ее жизни, а просто воображаемой точкой над морским горизонтом.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)